

ПРОГУЛКА В ВОЛЧЬЕМ ЛЕСУ

МЭРИ СТЮАРТ

Мэри Стюарт
Прогулка в Волчьем лесу

«Азбука-Аттикус»

1980

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Стюарт М.

Прогулка в Волчьем лесу / М. Стюарт — «Азбука-Аттикус»,
1980

ISBN 978-5-389-15791-0

Джон и Маргарет поехали на пикник, не подозревая, какие приключения и необыкновенные знакомства ждут их впереди. В лесной чаще дети встретили огромного волка-оборотня по имени Мардиан. Когда-то он был человеком, верой и правдой служил герцогу, правителю волшебной страны. Но на голову герцога одно за другим посыпались несчастья, и колдун Альмерик решил воспользоваться этим и захватить власть в стране. Он наложил на Мардиана страшное заклятье... Дети обещают помочь оборотню и проникают в замок герцога, чтобы вступить в опасную схватку с колдуном. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15791-0

© Стюарт М., 1980
© Азбука-Аттикус, 1980

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мэри Стюарт

Прогулка в Волчьем лесу

Mary Stewart
A WALK IN WOLF WOOD

Text copyright © Mary Stewart, 1980
Illustrations copyright © Hodder and Stoughton, 1980
First published in Great Britain in 1980 by Hodder and Stoughton.
The moral right of the author has been asserted.

© М. В. Клеветенко, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Джейсону, Элиноу,
Дженнифер и Чарльзу*

Глава 1

Джон и Маргарет Бегби сидели на пледе рядом с проселочной дорогой, что вела через лес Шварцвальд в Германии, когда мимо них, горько плача, прошел незнакомец.

Семейство Бегби выбралось на пикник. Оставив машину на парковке рядом с шоссе и прихватив плед и корзину, они вернулись к дороге, которая спускалась с холма на тенистую опушку леса. Между шоссе и проселком, посредине клина зеленой травы и мха, торчал старый деревянный указатель. Там, на солнышке, рядом со старым замшелым пнем, они и расстелили свой плед. Слева проселок убегал вниз и терялся в лесном полумраке. Впереди деревья росли реже, и между стволами проглядывала лесистая речная долина. Здесь на каменистом холме стоял разрушенный замок, который семейство Бегби посетило утром. С опушки дети видели крохотный на таком расстоянии деревянный мост над высохшим рвом и киоск, где покупали билеты и открытки. Позади замка сверкала под солнцем река. А дальше, сколько видел глаз, тянулись леса, леса, леса...

На опушке было очень тихо. Папа, растянувшись в полный рост на пледе, дремал после сытного обеда. Миссис Бегби ушла к машине за вязаньем, но, судя по тому, как долго она не возвращалась, ее, видимо, тоже сморила жара. Вокруг не было ни души: ни автомобилей, ни прохожих, за исключением того странного мужчины, который прошел мимо них на расстоянии вытянутой руки, даже не взглянув в их сторону.

Джон и Маргарет с тревогой и удивлением смотрели ему вслед. Им еще не доводилось видеть, чтобы взрослый мужчина плакал. Что удивительно, ему не было никакого дела, услышит ли кто-нибудь его рыдания. Мужчина громко всхлипывал и время от времени спотыкался, ослепленный слезами, но даже не пытался их стереть. Слезы свободно катились по лицу и стекали на алый потертый бархат куртки.

Еще одна странность – чересчур яркий наряд незнакомца не вязался с его возрастом и внешностью. Узкая бархатная куртка была украшена спереди позолоченными пуговицами, а на поясе сидел кожаный ремень с заклепками. Из-под куртки виднелись серовато-синие чулки, на ногах были старые башмаки коричневой кожи. На плечи незнакомец накинул плащ

такого же серовато-синего цвета, что и чулки, а капюшон плаща лежал на плечах, словно воротник. Шляпы он не носил. Одежда производила впечатление дорогой и пышной, только изрядно затрепанной.

– Смотри, у него на поясе нож, – заметил Джон тихо, чтобы не разбудить мистера Бегби. – Видишь? Какой длинный!

– Вижу, – ответила Маргарет, – наверное, это часть наряда. Помнишь танцоров в крестьянских костюмах, которые исполняли народные танцы в Санкт-Иоганне? У них на поясе тоже висели ножи. Наверняка ненастоящий. Таким не зарежешь.

– Нет, его одежда не похожа на те крестьянские костюмы. Какая-то поношенная, словно он ходит в ней постоянно. А танцоры были одеты как на маскараде, – закончил брат неуверенно.

– А вдруг это лесник?

– Вряд ли. Заметила у него на шее цепь с большим медальоном? Похожа на золотую. Откуда такой цепи взяться у лесника? Он же не поп-звезда!

– Так цепь ненастоящая, деталь костюма.

– Я же говорю, на костюм не похоже...

– И все равно она ненастоящая, – продолжала гнуть свое Маргарет. – Золотая цепь такого размера стоит целое состояние, а этот человек не выглядит богачом.

– Но и на крестьянина он не похож, – упрямо возразил ее брат. – Кого-то он мне напоминает, не помню кого. Но кем бы он ни был, выглядит он... – Джон запнулся, пытаясь найти подходящее слово – ... очень странно. Не одежда, он сам.

– Потому что плакал? Проскочил мимо нас, словно мы пустое место.

Дети посмотрели друг на друга. Мистер Бегби заворочался во сне, но так и не проснулся. Было очень тихо. Дикий лесной голубь, шелестя крыльями, вспорхнул с верхушки дерева. Где-то вдали кричала сойка, да время от времени в папоротниках с резким обиженным свистом перелетал крапивник. На лес опустилась тяжелая летняя дрема – ни звука, ни шороха.

Впрочем, лесная тишина обманчива. Если лечь на землю, закрыть глаза и вслушаться в безмолвие леса, вы услышите его. Голос леса состоит из множества еле различимых звуков: может быть, это растут деревья, или поганки пробиваются сквозь сосновые иголки, или воздух колышется между ветками, когда нагретые солнцем мхи испаряют влагу. А еще насекомые: тишина пронизана неумолчным пульсирующим гулом, который настолько сросся с лесом, что порой кажется, будто он возникает у вас в голове. Этот гул состоит из биения миллионов крохотных крыльев мошкары, пчел, ос и мух-журчалок. Лес молчаливо гудит, а неподвижный воздух вибрирует.

Дети не вслушивались в тайные звуки леса, а просто смотрели друг на друга, и, как бывает с очень близкими людьми, каждый догадывался, о чем думает другой.

– С этим человеком приключилась беда, – прошептал Джон. – Не то чтобы он упал и умирался – ничего такого я не заметил, – а действительно случилось что-то ужасное.

– Как будто рана глубоко внутри, – промолвила Маргарет, – и теперь он медленно истекает кровью, но ни за что никому не признается!

Джон, который был старше и, возможно, не обладал столь богатым воображением, неуверенно кивнул. Определенно, с тем странным человеком случилось что-то плохое, настолько, что он забыл, куда и зачем идет. Незнакомец уже исчез из виду, словно растворился в воздухе, но дети никак не могли выбросить его из головы. Неужели они позволят ему исчезнуть и страдать в одиночку, даже не предложив помощи?

Конечно, они ничем не могут ему помочь, и все же...

– Мы можем пройти немного вглубь леса, – предложила Маргарет. – Просто посмотрим, куда он пошел.

Она не уточнила зачем, а Джон не спросил. Впоследствии дети не могли объяснить, почему внезапно решили последовать за странным незнакомцем. В обычное время они только обрадовались бы, что он их не заметил, и постарались бы не попадаться ему на глаза, пока не успокоится, но сейчас что-то подталкивало их действовать более решительно. Маргарет уже вскочила на ноги. Джон, обычно более рассудительный, чем сестра, последовал ее примеру.

– Только разбудим папу и отпросимся.

Некоторое время брат с сестрой обдумывали этот вариант. Мистер Бегби любил прикорнуть после обеда, и дети слишком живо помнили, как он сердился, когда им случалось нечаянно прервать его сон. А мама непременно отчитает их: «Ваш отец очень много работает, дайте ему поспать. Найдите себе другое место для игр».

– Не надо, – прошептала Маргарет. – Во всяком случае, пока не выясним, что там, с тем человеком. Нам не велят будить папу и вечно прогоняют. К тому же родители сами советовали нам прогуляться.

– Но не в лес же!

– Да мы только посмотрим! А искать нас не придется, здесь нет другой дороги.

– Ладно, только знаешь, что мы сделаем? Оставим записку. Где твой карандаш и блокнот?

Так брат с сестрой и поступили. И, следует признать, поступили весьма разумно. Джон написал родителям записку: «Мы ушли в лес по дороге. Дж. и М.».

Затем они положили записку на пень, придавив ее сверху краем корзины, на цыпочках обогнули мистера Бегби и побежали вниз с холма по лесной дорожке.

Глава 2

Поначалу дорога круто шла вниз, затем, углубившись в лес, стала ровнее. Здесь деревья стояли гуще, высоченные, словно каждое тянулось к солнцу, стараясь обогнать соседнее. Тут не росли дубы и буки, а по обочинам уже не встречались колокольчики, папоротники и ежевика – только ровные гладкие колонны сосновых стволов возвышались вдоль проселка, а сплетенные черные сучья поглощали свет не хуже настоящей крыши. Мох под ногами сменили всякие разноцветные диковины: из-под древесных корней и поваленных стволов торчали поганки, веселки, похожие на куриные яйца, и коричневые шары рядовок с бронзовыми и фиолетовыми шляпками. То здесь, то там, словно на картинке в книге сказок, мелькали алые в белую крапинку мухоморы.

– Не трогай, – предупредил Джон, когда сестра склонилась над одним из них.

– Я и не собираюсь! Забавно, что в книжках всегда рисуют именно их – ну, на картинках, где гномики или где кто-нибудь сидит на шляпке гриба. Наверное, это потому, что они такие красивые, но другие грибы и поганки, если приглядеться, ничуть не хуже. Джон?

– Что?

– А нам не пора возвращаться? Бродим тут уже целую вечность, а его и след простыл.

– Наверное, пора. Смотри, там, у поворота, поваленное дерево. Дойдем до него и повернем обратно.

Дерево, о котором говорил Джон, перегораживало дорожку точно поперек. За ним она уходила еще дальше вглубь леса, словно мрачный туннель между черных сосновых стволов.

Джон принялся пинать носком сучья и палые листья под стволом.

– Он должен был пройти здесь, другой дороги тут нет. Идти в обход себе дорожке, значит перелез. А вот и следы! Разве с ним была собака? Я не заметил.

– И я, – подтвердила Маргарет, стоя рядом с братом.

На земле отпечатался глубокий четкий след ноги, и второй, не такой четкий. Рядом виднелись следы крупных лап, крупнее, чем у Трея. Свою собаку, немецкую овчарку Трея, семейство Бегби оставило дома.

– Тогда следы наверняка волчьи, – бодро объявил Джон и, схватившись за ветку, начал перелезать через поваленный ствол. – Да, он перелез здесь, смотри, на стволе грязь. Конечно, в лесу должны быть волки! Так вот зачем ему такой длинный нож...

Маргарет тревожно огляделась. Она видела, что Джон над ней подтрунивает, но посреди дремучего леса его слова не казались шуткой.

– Что значит «должны»?

Джон усмехнулся, балансируя на поваленном стволе.

– Помнишь, когда мы собирались на пикник, мама с папой разглядывали карту и папа сказал, что этот лес называют Вольфенвальд?

Маргарет непонимающе смотрела на брата – наверняка она догадалась бы, увидев буквы на карте, но на слух звучало странно.

– Не понимаю...

– Что в переводе с немецкого означает Волчий лес, – сказал Джон.

– Ой.

– Так было написано на указателе, не заметила?

– Нет.

– Поэтому у того человека на поясе висел нож.

– Но если в лесу водятся волки, – резонно возразила Маргарет, – то не лучше ли взять ружье?

– В таком-то костюме? Лук и стрелы подойдут ему куда больше. Я вспомнил, кого он мне напоминает. Погоди-ка... – Джон замолчал и спрыгнул на землю с другой стороны ствола.

– Что там?

– Мег, перелезай ко мне, сама увидишь. Не бойся, насчет волков я пошутил. Давай быстрее!

Маргарет перелезла через поваленный ствол и спрыгнула на землю с другой стороны. Джон стоял среди сухих веток и показывал на землю. Маргарет всмотрелась: на подстилке из сосновых иголок лежал золотой медальон на цепи.

– Когда он перелезал через ствол, цепь зацепилась, а он так рыдал... – прошептала Маргарет.

– ... что не заметил потери, – завершил Джон. Мальчик наклонился, поднял медальон и взвесил в ладони. – Тяжеленный. Когда он нагнулся, медальон перевесил и соскользнул с шеи. Смотри, цепь не порвалась.

– Покажи медальон.

Джон разжал ладонь. Медальон сиял так ярко, что даже в лесном полумраке дети видели его совершенно четко. Он напоминал большую монету, в центре которой был изображен профиль юноши с волосами до плеч и узким обручем вроде короны. Ниже шла надпись: ОТОН. На обратной стороне стояло единственное слово: FIDELIS.

– Человек, которого мы видели, не Отон, – заметил Джон. – Не похож, да и старше. А Fidelis по-латыни означает «верный», я знаю, это девиз нашей школы.

Маргарет потрогала цепь, любуясь работой: она была тяжелая, но гибкая.

– Похоже, настоящее золото, – восхитилась девочка. – Оно ведь очень тяжелое, да? Мамин золотой браслет ужасно тяжелый.

Джон снова взвесил медальон в ладони.

– Верно, тяжелый. Если это правда золото... – Он оглянулся на дорогу, которая терялась в сумраке леса.

– Если это правда золото, – сказала Маргарет, – то стоит огромных денег. И даже если нет, тот человек наверняка захочет его вернуть. Наверное, мы должны разыскать его?

– Думаю, он уже обнаружил потерю, – кивнул Джон, – и сейчас возвращается нам навстречу. Нужно только пройти немного вперед. Не можем же мы оставить медальон на ветке!

А что, если его украдут? Сойки любят блестящие вещи, и кто еще? Сороки? Я слышал в лесу сойку.

– Хорошо. Тогда бегом, смотри, как быстро темнеет.

– Просто деревья тут растут густо, а на самом деле до заката еще несколько часов. Не бойся. Если не встретим его до следующего поворота, то вернемся.

– А как же медальон?

– Отдадим папе. Он разберется, что с ним делать. В полицию сдаст или что еще. Бежим!

И брат с сестрой побежали вперед. Когда они достигли поворота, оказалось, что это не совсем поворот, просто дорога слегка уходила вбок, а потом еще и еще, сужалась, петляла между деревьями. Корни сплетались под ногами, словно веревочные капканы. Темнело. Маргарет запнулась, но устояла. Джон уже успел скрыться из виду.

– Джон, вернись!

Молчание. Маргарет осознала, что больше не слышит его шагов. Не успела она испугаться, как до нее донесся крик брата:

– Мег, все хорошо! Здесь дом. Иди сюда.

И девочка бросилась вперед. Брат стоял в розовом луче закатного солнца, которое било в просвет между деревьями, словно театральный прожектор. Просвет был справа от дороги. Там между стволами вилась дорожка к большой поляне, где росли мхи, папоротник, ежевика и даже цветы, среди которых встречались садовые, может быть слегка одичавшие, как и сам сад.

Потому что тут и впрямь были остатки сада. Они окружали бревенчатый домик, который так зарос мхом и травой, а его стены и крыша в сумерках настолько сливались с деревьями, что удивительно, как дети вообще его заметили!

– Спорим, это его дом, – сказал Джон. – Он просто шел домой.

– Ничего не скажешь, домик уютный, – ответила сестра. – Только посмотри! Вместо занавесок на окнах паутина, а дверь не открывалась годами!

– В сельской местности обычно ходят через заднюю дверь, – неуверенно заметил Джон.

– И дым из трубы не идет.

– В такую-то жару? Хотя нам-то что, – воскликнул Джон, – наше дело вернуть ему эту золотую штуковину. А если хозяина не окажется дома, оставим медальон его домашним. Пошли.

И дети сквозь заросли ежевики и высокую траву устремились к двери. Когда Джон поднял ржавый дверной молоток, механизм заскрипел. Джон громко постучал.

Глава 3

Ответом была тишина, и даже больше: тишина, помноженная на эхо. На свете мало звуков таких же печальных, как настойчивый стук дверного молотка, который отдается в заброшенном доме. И все же совсем заброшенным место не выглядело: кто-то здесь жил или съехал совсем недавно. Дом и окружающие деревья замерли, словно прислушивались.

– Его здесь нет, – довольно громко объявил Джон.

– А где ему быть? – Маргарет чувствовала, что в доме кто-то есть. – Наверное, боится отвечать.

– Глупости. Чего ему бояться?

– Если бы я жила посреди леса, то испугалась бы, если бы ко мне начали стучать на закате.

– Но он же взрослый мужчина, – возразил Джон, – а не какая-то...

– Девчонка? Я знала, что ты так скажешь. Я думаю, он просто не хочет никого видеть. Забыл, что он плакал?

– Ладно, – помолчав, ответил Джон. – Дадим ему время прийти в себя, а потом постучимся в заднюю дверь. Если не ответит, возвращаемся, идет?

– Идет.

Близко от стены дом опоясывала мощеная дорожка, но со временем ее почти скрыли от глаз лесные травы, ромашка и вероника, а еще лиловые, синие и белые колокольчики. Плющ и жимолость так густо заплели стены, что детям пришлось сойти с дорожки и продираться сквозь папоротники и заросли ежевики прямо по бывшим клумбам. То тут, то там из травы тянулись к солнцу высокие соцветия наперстянки. Бабочки сонно кружили над кустами черной смородины.

Дети с опаской обошли дом. Сзади садика не было, только маленький двор, очищенный от подлеска и замощенный кирпичами, которые так поросли мхом, что нога ступала по ним, словно по ковру. В центре двора был колодец с низкими бортиками и деревянным ведром на веревке.

Дети остановились возле колодца и осмотрелись. Задняя стена дома была в тени, но солнечный луч освещал крыльцо и окна по обеим сторонам. Стекол не было, только открытые

деревянные ставни, некрашенные, но чистые и опрятные. В окна дети разглядели угол комнаты, обставленной довольно странно. У стены стоял тяжелый сундук, рядом с ним деревянная табуретка, над сундуком висело распятие.

Приободрившись, брат с сестрой подошли к двери, почти скрытой плющом, который свисал с провалившегося навеса над крыльцом. Джон тронул Маргарет за руку и показал на дверь. Сквозь плющ можно было разглядеть, что она открыта и ведет прямо в заднюю комнату.

Крыльцо оказалось таким крошечным, что дети с трудом втиснулись рядом. Джон постучал в приоткрытую дверь.

И снова никакого ответа. Они еще подождали, потом Джон легонько толкнул дверь. Она открылась чуть шире, и дети заглянули внутрь.

Очевидно, это была главная жилая комната и спальня: неприбранная кровать, стол, большой черный буфет в углу, деревянная скамья, стул с выцветшей синей подушкой на сиденье и пара табуретов. На столе стояли кувшин и кружка из какого-то темного металла вроде олова, рядом лежала деревянная ложка. Угли в очаге успели обратиться пеплом. С крюка свисал черный котел на цепи.

В комнате не было ни единой живой души, вокруг стояла тишина, а солнечный свет стремительно угасал.

– Теперь мне все ясно, – громко и с облегчением сказал Джон, – если это его дом, то он заглянул сюда и снова куда-то ушел, а если не его...

– Его, – пискнула Маргарет. – Смотри, там, на кровати.

Девочка показала рукой. Посреди вороха одеял пламенел потертый бархат куртки, сияли позолоченные пуговицы, рядом лежал серый плащ с капюшоном, чулки того же цвета и пояс с заклепками. На полу валялись мягкие кожаные башмаки с налипшими на подошвы сосновыми иголками.

Не стовариваясь, брат с сестрой сделали шаг внутрь.

– Это точно его вещи, – повторила Маргарет. – Он вернулся, переделся и снова ушел. Я же говорила, это был обычный карнавальный костюм!

– Ладно, пусть так, – ответил Джон и опустил медальон на кучу одежды (тот звякнул и вспыхнул в закатном свете). – Оставим медальон здесь – и быстро назад. Мы и так задержались. Папа там сходит с ума или уже идет нам навстречу.

Эта мысль немного их подбодрила. И впрямь, внезапно наступили сумерки. Солнце быстро садилось, а деревья, плотно обступившие дом, сгущали темноту. Воздух еще не остыл, но в лесу стало очень тихо, смолкли даже насекомые и птицы.

Только сова ухала где-то вдали среди сосен. Внезапно ей ответила другая, совсем близко, рукой подать. Но теперь это было не мягкое уханье, а резкий визг, от которого замирают сердца всех крохотных лесных созданий в норках.

– У тебя, наверное, часы остановились! Уходим! – Маргарет, сжав руку брата, потянула его к двери.

Внезапно девочка вскрикнула. Джон удержался от крика, но издал хриплый звук, словно задохнулся. Держась за руки, брат с сестрой попятнулись, пока не уперлись в кровать.

В дверях, сверкая желтыми глазищами, оскалившись и свесив длинный язык, стоял громадный серый волк.

Глава 4

От ужаса дети вросли в пол. Волк опустил голову и шире оскалил пасть. В сумерках сверкнули громадные белые клыки. Зверь не издал ни звука, но шерсть на загривке стояла дыбом.

Волк явно приготовился к прыжку: он присел, а мышцы на задних лапах напряглись.

Казалось, ужасное мгновение длится вечно, но на самом деле прошла едва ли доля секунды. Прежде чем волк прыгнул, Джон заорал от страха и ярости, схватил с кровати первую попавшуюся под руку вещь и метнул в зверя. Первой попавшейся вещью оказался золотой медальон. Лишь потом брат с сестрой осознали, что, когда Джон крутанул медальон над головой, волк уже исчез с порога. Только что дверной проем заслоняла его ужасная тень, и вот волк уже исчез, растворился в сумерках, словно призрак! Медальон на цепи со свистом полетел ему вслед. Дети услышали мягкий топот волчьих лап, звон и шуршание, с которыми медальон упал в кусты, и снова на лес опустилась тишина, словно кто-то захлопнул крышку музыкальной шкатулки.

Когда оцепенение прошло, Маргарет бросилась к двери, закрыла ее и задвинула тяжелую деревянную щеколду.

– Скорее, Джон! Закрой ставни!

– Нет, – выговорил Джон чуть срывающимся голосом (что вполне простительно), в котором тем не менее звучало некоторое самодовольство (тоже вполне простительное). – Мы не можем тут остаться. Нужно уходить.

– А если волк вернется? К тому же, если папа нас ищет, нам лучше никуда не...

– В том-то и дело! Нельзя допустить, чтобы папа в одиночку бродил по лесу, где шастают волки. Мы и сами в них не верили, хотя лес зовется Волчьим.

– А следы? – без особой надежды возразила Маргарет. – Он увидит следы.

– Мы заметили их только потому, что пошли за тем человеком, а сейчас в темноте их уже не разглядеть. И потом, даже если папа заметит следы, назад он не повернет. Возьмем что-нибудь для защиты и будем бежать всю обратную дорогу. А кроме того...

Джон замолчал и отвел глаза.

– Что? – спросила Маргарет.

– Ты не заметила ничего странного? – неохотно спросил Джон.

Маргарет замялась, и Джон ответил за нее:

– По-моему, волк был напуган.

Маргарет медленно кивнула. Она знала, что Джон был бы не прочь приписать бегство врага своей решительности. Это вполне естественно. Но он в любом случае храбро себя повел. И сейчас она поверила брату именно потому, что ему не хотелось признавать, что волк был напуган.

– Ну, думаю, будь он голодный или очень злой, его не испугала бы какая-то цепочка.

– Да. Но он убежал еще до того, как я ее бросил, разве ты не заметила, Мег? Да и волк ли это? Может быть, это собака того человека?

– Тогда это никудышная собака. Удрала от детей, которые влезли в дом ее хозяина. Трей бы не убежал.

– Тогда и волк он, похоже, никудышный, – заметил Джон. – Ладно, кем бы он ни был, вряд ли он очень опасный, и нам лучше скорее идти к машине, чем оставаться здесь. Только нужно раздобыть что-нибудь посерьезнее, чтобы его отогнать, если что. – Взгляд Джона упал на тяжелый посох в углу у двери. – Это подойдет. Теперь найдем другой для тебя...

– У меня есть кое-что получше. – Маргарет вытащила из груды одежды на кровати какой-то предмет. В руке девочки сверкнул длинный кинжал, тот самый, что висел на поясе у мужчины. – Странно, что он не взял кинжал с собой, но нам же лучше.

По лицу Джона было видно, что он не отказался бы от подобной находки. Мэри сжала рукоятку.

– Не отдам, у тебя уже есть посох. А мне больше подойдет кинжал.

– Да ты в жизни не держала в руках ножа!

– Ты тоже, кроме как когда помогал себе накладывать горошек на вилку.

Дети захихикали, но не потому, что шутка вышла смешной, просто от напряжения.

– Ладно, пусть будет так. Чтобы орудовать дубинкой, нужна сила...

– А пырнуть ножом может даже девчонка?

– Сама сказала, я тебя за язык не тянул. Давай, сейчас или никогда. Бежим!

– А как же та золотая вещица? Она валяется в кустах, но сейчас нам ее не найти, даже если решимся поискать.

– Расскажем о ней папе и вернемся утром. Все равно придется занести посох и кинжал. Если это и вправду волк, в Санкт-Иоганне должны были о нем слышать, и папа что-нибудь придумает. Иди осторожно, пока не убедимся, что на дороге его нет, а дальше лети, как стрела.

Крадучись, дети вышли из двери, оставив ее открытой, и на цыпочках подошли к углу дома. Джон заглянул за угол. В густых сумерках не было заметно никакого движения, не слышно ни звука. Джон крепко сжал посох и кивнул сестре. Быстро, но стараясь не шуметь, дети двинулись сквозь заросли папоротника и ежевики, доходившие им до пояса, к обвалившейся стене, которая опоясывала сад. Они шли, не чувствуя крапивных укусов, вдыхая сладко-острые ароматы потревоженных трав. Ночная мошкара взлетала с листьев, словно кто-то выбивал пух из подушки. В лесу было так тихо, что дети слышали слабое чавканье мха под ногами.

Наконец они перелезли через изгородь на твердую почву, усыпанную сосновыми иглами.

И бросились бежать со всех ног.

Вверх по склону, по еле различимой в густых сумерках тропе. По петляющей дороге, огибая паутину древесных корней и коварные сучья. За поворот и прямо, мимо громадных стволов, которые возвышались вокруг в темноте и безветрии. Пахло смолой, гниющими ветками, сосновыми иглами. То и дело они пугались малейшего звука, когда обломившаяся

ветка осыпала землю дождем иголок или пригоршней сухих шишек. Снова заухала сова, на этот раз ближе.

В лесу было тихо. Ни тени, ни шороха. И папа не вышел их встречать. Дети бежали вперед.

И вот наконец поваленный ствол, а за ним длинный склон поднимается к шоссе. Склон был довольно крутым, но даже будь он круче, чем скат крыши, вряд ли бы дети сбавили темп. Они давно бежали, не таясь, и теперь, шумно дыша и уже не оглядываясь, преодолевали последний отрезок пути. Деревья отступили от дороги, в лесу появились прогалины, где в сумерках белела наперстянка, а папоротник широко раскинул перистые листья. Разбуженный крапивник слетел с ветки, издав возмущенный свист. Звук эхом отозвался в лесу, словно сигнал тревоги. Вполне возможно, это была та же птица, которую они слышали раньше. Отсюда уже было рукой подать до места их пикника и до шоссе, где стоял автомобиль.

Добежав, дети остановились, с трудом переводя дух. Затем огляделись. Огляделись еще раз, не веря своим глазам. Место определено было то самое: вот треугольник травы, вот указатель, вот пень, на котором Джон оставил записку, а тут должен лежать плед.

Но пледа не было. Как не было и папы. А когда они бросились к шоссе, то не обнаружили и автомобиля.

Дети замерли посередине шоссе и посмотрели друг на друга. Лес вокруг стоял черной стеной, шоссе узкой серой лентой убегало за кромку холма. За деревьями в долине, где стоял замок, тускло мерцал какой-то огонек. Но музей давно закрыт, да и идти туда слишком далеко. А еще дальше до гостиницы, где они остановились. Как ни трудно было поверить, но родители уехали, оставив их одних в этих дремучих местах!

Маргарет боролась с желанием заплакать. Она уже думала, что худшее позади, а тут такое... Только теперь она поняла, как устала и проголодалась. Джон, хотя и не подавал виду, чувствовал такое же ледяное отчаяние. Когда проявляешь храбрость в трудную минуту, например отбиваешься от громадного страшного волка, через какое-то время тебя охватывает слабость. К тому же Джон тоже был голоден, а рука, которой он сжимал посох, немного дрожала. Ему стоило больших усилий заговорить бодро, как и положено старшему брату:

– Думаю, они решили, что мы пошли в другую сторону. Поехали искать нас на шоссе. Скоро вернутся.

– Может, это не то место?

– То. Смотри, это не моя записка на пне? Она! Теперь ясно, мама и папа просто ее не заметили, поэтому поехали в другую сторону. Но как... ах, Мег, ты только глянь!

Тон его голоса совершенно переменялся. Джон наклонился что-то поднять с земли. В зарослях папоротника, там, куда она, наверное, упала с пледа, лежала плитка шоколада: большая плитка молочного шоколада с орехами и изюмом.

– Так вот она где! Я-то думал, мы выронили ее на пути от машины. Ура! Напополам?

Джон разломил плитку и протянул Маргарет ее половинку. Дети жадно набросились на шоколад. Никакая другая еда не помогла бы им так быстро восстановить силы и ободриться. По общему согласию каждый съел половину от своего куска, а оставшуюся половинку спрятал в карман. Затем дети снова поднялись к шоссе, чтобы попить из родника, который бил с другой стороны. Здесь они снова огляделись. Никого, и, сколько ни прислушивайся, ни звука мотора.

– Думаю, дело было так, – сказал Джон. – Если бы папа заметил нашу записку, он взял бы ее с собой, но они с мамой решили, что мы ушли по шоссе... может, нам стало не по себе рядом с этим дремучим лесом. Они проедут немного, не найдут нас и вернутся. В любом случае самое разумное оставаться здесь. Как если потерялся в горах или еще где. Если знаешь, что тебя будут искать, никуда не уходи. Нас обязательно найдут! И насчет волков все чепуха. Я уверен, что это был не волк, а собака того человека, помесь немецкой овчарки. Или местный пес заблудился

и решил поживиться чем-нибудь в доме, а мы его спугнули. Никаких волков в лесу нет, откуда им тут взяться? Если мы останемся здесь, возле шоссе, ничего с нами не случится.

– А если они не вернуться за нами?

– Вернутся обязательно! Может, мама почувствовала себя нехорошо и папа повез ее в Санкт-Иоганн к врачу, не дождавшись нас. Они приедут. А если не приедут до утра, то мы, как рассветет, пойдем им навстречу. Доберемся до трассы, а там нас кто-нибудь подкинет до города.

– А сейчас мы пойти не можем? – спросила Маргарет, оглядываясь на темнеющий позади лес.

– Нет, – решительно ответил ее брат. – Мы должны оставаться на месте. И вообще, тормозить машины посреди ночи опасно. Так что устраиваемся на ночлег. Посмотришь, они вернуться за нами и нам еще влетит.

– Но мы же не виноваты!

– Ты же их знаешь! Жалко, что они не оставили плед, хотя здесь тепло и ветра нет. Давай закопаемся в папоротники.

Заросли доходили детям до пояса, а когда они сломали несколько побегов, ноздри наполнил чудесный аромат. Соорудив себе уютное гнездышко, брат и сестра сидели, привалившись спиной к стволу. Сначала они разговаривали, но шепотом – в лесной тишине голоса звучали слишком резко. Спустя некоторое время все та же тишина заставила их умолкнуть, и, тесно прижавшись друг к другу, дети принялись вслушиваться в ночь в ожидании гула мотора.

Глава 5

С самого первого мгновения, когда их разбудил охотничий рожок, дети поняли, что это именно он, хотя слышали рожок впервые в жизни. Ошибиться было невозможно – высокий, серебристый и протяжный, как эхо, звук пронзил утренние сумерки, прокатился над холмами и обратно в долину, словно зов ветра.

Брат и сестра сидели в своем гнездышке, полусонные и окоченевшие от холодной росы, и несколько секунд, пока протирали глаза, совершенно не помнили, что случилось вчера и где они сейчас.

Затем воспоминания вернулись: дорога в Волчьем лесу, домик, ужасный, похожий на волка зверь, исчезновение родителей и автомобиля...

Дети вскочили. Несомненно, настало утро: солнце еще не встало, но рассвет уже золотил капли росы, на глазах обращая их в туманные прядки. А родители за ними так и не вернулись.

Звук рожка послышался снова, на сей раз гораздо ближе. Затем со стороны Санкт-Иоганна раздался мощный стук копыт. Судя по звуку, к ним скакало целое войско. Внезапно воздух наполнился звоном сбруи, криками, смехом загонщиков, лаем собак.

– Это охотники! – воскликнул Джон, сжав руку Маргарет. – Бежим! Может, кто-нибудь...

Джон не закончил фразу. Дети рванулись к шоссе, но внезапно что-то стремительно промелькнуло мимо них и исчезло в лесу. Волк или зверь, похожий на волка! Блеск страшных желтых глаз, грязные серые бока, длинная морда в пене, язык набок. Волк исчез в лесу. Охотники были уже совсем близко. Первыми показались собаки, целая свора, такие же косматые, как их добыча. Уши их стояли торчком, глаза сверкали – волкодавы не ищут зверя по запаху, а преследуют его «по-зрячему». Там, где от шоссе отходил проселок, собаки на миг замерли, потом разделились и забегали между деревьями на краю леса. Возможно, они могли бы напасть на детей, но, к счастью, до этого не дошло. Когда Джон и Маргарет взобрались на пень и замахали руками, первые всадники уже были здесь и хлыстами гнали собак обратно на дорогу.

Остальные охотники, числом около дюжины, остались ждать, а один проскакал к пню и осадил громадного гнедого жеребца прямо перед Джоном и Маргарет.

Маргарет показалось, что всадник разглядывает их с удивлением, но он лишь крикнул:

– Куда?

Затем – Маргарет не поверила глазам – охотник вынул из сумки на поясе серебряную монету.

Девочка видела, что брат готов ответить, но неожиданно для себя загородила его и указала не в сторону леса, куда убежал волк, а на лесистый склон, уходящий вверх по другую сторону дороги.

– Туда! Он побежал туда! Только что! Скорее, за ним!

Всадник швырнул ей монету, развернул коня и поскакал обратно к дороге. Раздались крики, затем пронзительный женский голос, и в топоте копыт охотники скрылись из виду.

Дети медленно слезли с пня и принялись отряхивать одежду от травы. Затем, все еще молча, доели остатки шоколада, но сегодня он не подбодрил их так, как вчера. Дожевывая плитку, они побрели туда, где раньше стоял указатель. Никакого указателя не было и в помине. Брат с сестрой уже без удивления разглядывали разбитую грязную дорогу. Ни асфальта, ни парковки, ни телеграфных столбов с проводами – только узкая грунтовая дорога со следами лошадиных копыт.

– Ну конечно, это сон, – промолвила Маргарет. Эта мысль ее успокоила. В снах все понарошку, к тому же все сны заканчиваются пробуждением.

– Конечно. – Целую минуту Джон жевал шоколад и усиленно думал. – Заметила, как они были одеты?

– Как в «Ричарде Втором», которого мы с классом смотрели в Стратфорде.

– Ммм. – Джон проглотил шоколад. – Или как в той книге про Столетнюю войну, которую я читал. Я рассказывал тебе, отличная история. Так вот в чем дело! Я слишком много читал про то время, и теперь оно мне снится.

– Нет, мне, – возразила Маргарет довольно резко. – Это мой сон, а ты мне снишься.

– А мне кажется, сон мой и ты снишься мне.

– Думаешь, это все-таки сон? – Голос Маргарет дрогнул.

– А как же иначе? Вчера здесь был хороший асфальт, сегодня он исчез. И смотри, записка, которую я оставил папе, тоже пропала! Один только шоколад... постой, Мег!

– Что?

– Монетка, которую всадник швырнул тебе, словно он какой-нибудь герцог, а ты – бедная крестьянская девочка. Ты положила ее в карман, давай посмотрим.

Маргарет вытащила монету. На ней была голова правителя в короне и надпись: ГЕРЦОГ ОТОН.

– Как на том медальоне! – воскликнула Маргарет.

– Только тут Отон старше. И теперь он герцог. А с другой стороны что? – Джон перевернул монету.

Маргарет заглянула брату через плечо.

– Эта сторона не такая. На медальоне было латинское слово, ты сказал, оно означает «верный», а тут какая-то птица. Наверное, орел?

– Похоже. И, смотри, здесь дата.

Дети молча смотрели на цифры: 1342.

– Монета выглядит совсем новой, – заметил Джон некоторое время спустя.

– Как и медальон.

– Золото не тускнеет. В любом случае медальон должен быть старше монеты. Этот человек – герцог Отон – на медальоне выглядит моложе, наверное, тогда он еще не был правителем.

Но сейчас он определенно герцог. Монета новехонькая. Все сходится: и наряды, и лошади, и цветная сбруя, и колокольчики, и широкие стремяна, и громадные шпоры.

– И та женщина, ты заметил? В дамском седле? Плащ и зеленое бархатное платье.

– Спрячь монету. Жалко, что она нам снится, должно быть, ценная вещь. Надо же, тысяча триста сорок второй! Вспомнить бы хоть что-нибудь из того времени! Это Средние века – вот все, что я знаю. И мы там же, где были вчера вечером, и вокруг почти ничего не изменилось...

– За исключением шоссе и телеграфных столбов...

– А еще указателя, да и деревьев сегодня побольше, а раньше справа тянулись поля...

– Ты забыл про замок! – воскликнула Маргарет. С того места, где стояли брат с сестрой, замок заслоняли густые кусты. – Помнишь, когда мы по нему гуляли, папа сказал, что замок построен в четырнадцатом веке? Какая жалость!

– Нет, почему же. Тысяча триста сорок второй год это и есть четырнадцатый век, как тысяча девятьсот восьмидесятый – двадцатый. Спорим, замок стоит там же, только новехонький, и флаги развеваются на башнях? Давай посмотрим!

Дети добежали до пня. Отсюда за деревьями виднелся замок с башнями, рвом и мостиком, вот только не новехонький, а такой же разрушенный, как вчера, и даже ров по-прежнему был сухим.

Впрочем, обнаружили и различия. Дорога к мосту, по которой папа проехал вчера на машине, сегодня превратилась в проселок не шире того, рядом с которым стояли дети. Сам мост сгнил и провалился в камыши. Не было ни киоска, где они покупали билеты, ни автомобильной стоянки, ни домов.

Некоторое время дети в оцепенении смотрели вниз. Наконец Джон высказал вслух то, о чем они оба думали:

– Ни замка, ни парковки, ни коттеджей. Мост и тот сломан. Значит, это все-таки не Средние века! Но и не наше время точно. Бред какой-то!

– И еще кое-что, – медленно сказала Маргарет. – Тот человек, который спросил про волка. Он же спросил не по-немецки? Потому что я точно не знаю немецкого. Но мы же в Германии, даже если и в другом времени! Однако я прекрасно его понимала, да и остальных, словно они говорили по-английски. Выходит, они говорили по-английски? Но почему?

– Потому что мы спим и видим сон! – твердо сказал Джон, хотя понимал не больше сестры. – Тебе никогда не снилось, что ты приземлилась на другой планете или разговариваешь с животными? Спорим, если ты увидишь сон про Древний Рим, римляне будут говорить по-английски. Главное, что мы их понимаем.

– Но что же нам делать?

– Какая разница, если это нам снится! – с напускной храбростью ответил Джон. – Одно ясно, никакой автомобиль по этой дороге не проедет. И мы не знаем, стоит ли Санкт-Иоганн на прежнем месте, значит идти туда смысла нет. Но сон или не сон, а я проголодался. У нас есть деньги, чтобы купить еды, и мы говорим с местными на одном языке. Поэтому я вижу единственный выход.

– Вернуться в дом и просить помощи у хозяина?

– Вот именно. Если он еще там.

Маргарет вздохнула, затем уверенно промолвила:

– Куда он денется. Замок же на прежнем месте. А тот вчерашний дом выглядел так, словно простоял тут века.

– Вчерашний? – переспросил Джон.

Маргарет снова вздохнула.

– Хочешь сказать, что и это был сон? До того, как мы уснули в лесу? Но я прекрасно помню тот дом!

– Если мы спим рядом с папой на пледе, значит волк и все остальное нам приснилось. А во сне ничего страшного с нами не случится. Почему бы не скоротать время? И я правда умираю от голода. А в доме должна быть еда, даже если хозяина нет на месте.

– Если он дома, мы скажем ему, куда упал медальон.

– И вернем кинжал и посох. Раз они все еще у нас, то и дом должен стоять, где стоял. Видимо, вчерашний день был частью все того же сна.

– И волк тоже, – сказала Маргарет. – Да, он из того же сна. Человек будет там, и волк тоже где-то будет. Он побежал в ту сторону.

Повисло молчание.

– Все равно я не вижу другого варианта, – сказал Джон. – Или будем дожидаться, когда охотники вернуться?

– И поймут, что я отправила их не в ту сторону? Еще чего! Уж лучше тот плакса, чем эти люди на лошадях. Хочешь, я дам тебе кинжал?

Однако Джон остался верен посоху. И дети пошли по дорожке. Охотников давно не было слышно, и на лес снова опустилась тишина. При свете дня здесь было не так страшно, как в сумерках, но брат с сестрой взяли за руки и пошли быстрым шагом, часто оглядываясь.

– Почему ты отправила их не в ту сторону? – спросил Джон.

– А ты как думаешь?

– Знаешь, это ведь и правда был волк.

– И что с того? – возразила Маргарет. – Если это был тот самый волк – он нас не тронул. К тому же ты видел его глаза?

Джон ничего не ответил. Он видел глаза волка. Дальше дети шли молча, гадая, что делать, если дома на старом месте не обнаружится, и убеждая себя, что видят сон, потому что это было единственное надежное объяснение очень странных и пугающих событий. Каждый считал другого персонажем собственного сна, а какой помощи ждать от того, кто тебе снится? Не слишком веселая мысль, и она не переставала мучить брата с сестрой всю дорогу.

Дом между тем стоял там же, где и вчера, но не новехонький, с ухоженным садом, как в глубине души надеялась Маргарет, а такой же запущенный. На этот раз дети не стали стучаться в переднюю дверь, а сразу обошли вокруг дома и направились прямо к задней, которую вчера, выбегая, оставили открытой.

Дверь была заперта.

Спустя три секунды дети прилипли к окнам. В комнате почти ничего не изменилось со вчерашнего вечера, только одежда не валялась в беспорядке, а висела на спинке стула, а на кровати спал мужчина. Он лежал лицом к двери, и они сразу его узнали. Это был тот несчастный, который, рыдая, прошел мимо них по лесной тропе.

И тут человек на кровати открыл глаза и посмотрел прямо на брата с сестрой.

Глава 6

Спустя полчаса дети сидели за столом и уплетали за обе щеки необычный, но сытный завтрак. Темный хлеб грубого помола изрядно подсох, масла не было вовсе, зато на столе лежали ароматные пчелиные соты и стояла миска с восхитительной лесной земляникой. Огонь весело трещал в очаге, и комната совершенно преобразилась – по сравнению со вчерашним вечером она выглядела словно новое птичье гнездо по сравнению с прошлогодним. Их хозяин, одетый и аккуратно выбритый, сидел у огня. Он не притронулся к еде, но потягивал эль, который налил из бочонка в углу. Дети пили из стаканов (которые хозяин называл кубками) крепкий и сладкий медовый напиток.

К их облегчению, хозяин дома прекрасно понимал язык из их сна. Поначалу, когда он открыл глаза и увидел брата с сестрой в окне, они изрядно перепугались и чуть не бросились наутек. Однако незнакомец вовсе не рассердился, что они за ним подглядывают, а, наоборот, обрадовался их появлению. Он жестами велел детям оставаться на месте и довольно скоро вышел, завернувшись в серый плащ. Не успели дети смущенно поздороваться, а хозяин уже приглашал их в дом, предлагая поесть и высушить одежду у очага, ибо «утренние росы вредны для здоровья».

Пока дети ели и пили, он принес воды из колодца, переоделся и умылся в соседней комнате. Затем брат с сестрой рассказали ему свою историю.

– Мы понимаем, что это всего лишь сон, – смущенно заметил Джон, – если, конечно, вам не обидно быть частью чьего-то сна. Другого объяснения я не нахожу. Мама с папой куда-то делись, исчезли шоссе и указатель, и все вокруг выглядит таким странным, это место и... – Джон запнулся, не желая быть грубым. Он хотел сказать «и ваша одежда, и речь», но закончил почти жалобно: – ...и охотники, которые гнали волка.

– Я не возражаю побыть частью вашего сна, – промолвил мужчина. – А скоро вы узнаете, почему я этому рад. Впрочем, не все в вашем рассказе кажется мне сном. Когда я впервые увидел вас в окне, вы держали в руке мой посох, а юная дева Маргарет, если я не ошибаюсь, сжимала в ладони мой охотничий кинжал.

Маргарет покраснела. Войдя в дом, она сразу же положила на стол хозяйский кинжал, а Джон с такой же поспешностью поставил в угол посох.

– Вы правы, – сказала Маргарет, – но после того, как мы встретили волка, мы побоялись идти через лес безоружными. Мы собирались вернуться сюда вместе с папой и принести ваши вещи обратно. В любом случае нам пришлось бы вернуться, чтобы рассказать, где мы нашли амулет и куда его бросили, защищаясь от волка.

То, что медальон на цепи именно амулет, хозяин поведал им сразу. Когда он вернулся из соседней комнаты, дети заметили медальон у него на груди. Хозяин коротко объяснил, что нашел медальон в кустах ежевики. Эта вещь – его талисман, амулет против зла. Хозяин не сказал, что амулет золотой, но теперь дети в этом не сомневались. Когда они объяснили, как нашли амулет в лесу, он поблагодарил довольно скупно, впрочем, на Джона, швырнувшего амулет в кусты, тоже не сердился.

Сейчас, слушая Маргарет, хозяин улыбался. Удивительно, как улыбка преображала его лицо. Даже искаженное скорбью, каким дети увидели его впервые, оно отличалось благородством черт: широкие брови, приятный рот, крупный нос. Улыбка не стерла скорбных складок и впечатления, что жизнь в последнее время обходилась с ним сурово, но глаза сияли добротой, и сейчас детям казалось, что в них блеснула надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.